

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

Кафедра английской филологии

Письменный перевод
По книге «Russia's Foreign Policy»
Автор книги: Andrei P. Tsygankov

Выходные данные: США,
издательство Rowman & Littlefield Publishers,
2013 год
(место издания, год)

Перевод стр. с 2 по 7

Для сдачи кандидатского экзамена
по иностранному языку
(английский язык)

Выполнил:
Дьовленски Златомир Росенов,
Аспирант, кафедра: Политологии

Астрахань – 2019

Текст на оригинальном языке	Перевод на русский язык
<p>Russia's Foreign Policy: Change and Continuity</p> <p>Russia's foreign policy was formed in different external contexts, while responding to some similar sets of security challenges. This combination provides Russia's historical foreign policy with elements of change and continuity. Changing Contexts At least since Peter the Great, Europe and—after World War II—the West in general played an especially prominent role in creating for Russia the system of meanings in which to defend international choices. To many Russians, the West represented a superior civilization whose influences were to be emulated or contained, but never ignored. Yet Western contexts were changing over time, presenting Russia with different policy dilemmas. More specifically, different Wests have been associated respectively with sovereign monarchy, the rise of a liberal political system, and finally the consolidation of a liberal political system. Sovereign monarchy emerged as a dominant political form in seventeenth-century Europe after the era of religious wars. It was the era of increasingly secular sovereign statehood, and it was in this context that Peter the Great assumed power in 1694. In the context of European secularism, Peter introduced a new ideology of state patriotism, or loyalty to the state—a sharp break with the religious autocratic Russia that had emerged after the two-centuries-long rule by the Mongols. Despite opposition from the Eastern Orthodox Church, the czar decisively turned Russia in the secular nationalist direction. Although religion was still playing an important role, it was increasingly subjected to considerations of the state. European international politics, and with it Russia's international politics, was becoming the politics of accumulating national power rather than affirming religious values. The liberal and egalitarian ideas of the French Revolution of 1789 further changed Europe by splitting it into progressive and antirevolutionary camps. The era of the rising Europe of Enlightenment, constitutionalism, and capitalism presented Russia with new international dilemmas. Russian rulers had to decide between the old monarch-centered vision of sovereignty and the new popular sovereignty, and this choice was then to shape the nation's international behavior. Some rulers—most prominently Alexander II—attempted to yet again redefine the country's</p>	<p>Внешняя политика России: изменения и непрерывность</p> <p>Внешняя политика России формировалась в различных внешних контекстах, одновременно реагируя на некоторые аналогичные проблемы безопасности. Эта комбинация обеспечивает историческую внешнюю политику России посредством изменения и непрерывности. Изменение контекстов начиная с Петра Великого, далее Европы и после Второй мировой войны - Запада в целом, сыграла особенно важную роль в создании для России системы значений, в которых можно было бы защищать международный выбор. Для многих россиян Запад представлял собой превосходную цивилизацию, влияние, которой должно было быть взято как пример, но ни в коем случае не игнорироваться. Однако западные контексты менялись со временем, представляя России разные политические дилеммы. В частности, различные Весты были связаны соответственно с суверенной монархией, ростом либеральной политической системы и наконец, консолидацией либеральной политической системы. Суверенная монархия стала доминирующей политической формой в Европе семнадцатого века после эпохи религиозных войн. Это была эпоха все более светской суверенной государственности, и именно в этом контексте Петр Великий принял власть в 1694 году. В контексте европейского секуляризма Петр ввел новую идеологию государственного патриотизма или лояльности государству - резкий разрыв с религиозной самодержавной Россией, возникшей после двухвекового правления монголов. Несмотря на сопротивление Восточной Православной Церкви, царь решительно превратил Россию в светское националистическое направление. Хотя религия все еще играет важную роль, она все чаще подвергается рассмотрению ее состояния. Европейская международная политика, а вместе с ней и международная политика России, стали политикой накопления национальной власти, а не утверждения религиозных ценностей. Либеральные и эгалитарные идеи Французской революции 1789 года еще больше изменили Европу, разделив ее на прогрессивные и антиреволюционные лагеря. Эра восходящей</p>

<p>identity in line with the new European ideas of freedom and equality. Their moderate foreign policies reflected the need for Russia to undergo considerable domestic changes. Other rulers were fearful of the new Europe and sought to defend the basic features of the old monarchic regime. Thus, Alexander I insisted on the need to defend the status quo in the post-Napoleonic Europe and embraced antirevolutionary Germany and Austria, rather than progressive France, as his role models. Alexander III also continued policies of siding with European autocracies and repression at home. As Europe was fighting its way through the crisis of rising liberal ideas, some Russians began to advocate a break with both old and new Europe. Alexander Herzen, for instance, grew disappointed with European conservative restorations of the 1840s and argued for Russia's own, non-European way of "catching up" economically and socially. The Bolsheviks pushed this line of thinking to its extreme and adopted a fundamentally different political system and foreign policy. The Bolshevik revolution of October 1917 reflected the crisis of European identity and the Russian leadership's inability to choose between the two Europes. The czar failed to prevent the country from the nearing destruction, revolution, and civil war. The rule of Nicholas II was symbolic in this respect. In 1904, he dismissed his finance minister, Count Sergei Witte, a proponent of the new Europe and an economic reformer, and chose to sacrifice domestic reforms to the goals of foreign policy expansionism by going to war against Japan. By then entering World War I, Nicholas further brought the European crisis closer to home and made it impossible to prevent the spread of extremist Marxist ideas in Russia, a move which brought his downfall in the Bolshevik revolution of 1917. In recognition of the West's world role, however, even the Bolsheviks sought to engage Western nations and related to their technological and material power.</p>	<p>Европы Просвещения, конституционализма и и капитализма представила России новые международные дилеммы. Российским правителям приходилось решать между старым взглядом на суверенитет и новым народным суверенитетом, ориентированным на монарха, и этот выбор тогда должен был определять международное поведение нации. Некоторые правители - в первую очередь Александр II - попытались вновь переопределить идентичность страны в соответствии с новыми европейскими идеями свободы и равенства. Их умеренная внешняя политика отражала необходимость того, чтобы Россия подвергалась значительным внутренним изменениям. Другие правители боялись новой Европы и стремились защитить основные черты старого монархического режима. Таким образом, Александр I настаивал на необходимости защищать статус-кво в пост-наполеоновской Европе и обретал антиреволюционную Германию и Австрию, а не прогрессирующую Францию, поскольку они для него были образцы для подражания. Александр III также продолжил политику размещения европейских автократий и репрессий у себя дома. Поскольку Европа боролась с кризисом растущих либеральных идей, некоторые россияне стали выступать за разрыв со старой и новой Европой. Например, Александр Герцен разочаровался в европейских консервативных реставрациях 1840-х годов и выступал за собственный, неевропейский способ «догонять» экономически и социально. Большевики выдвинули эту линию мышления до крайности и приняли принципиально другую политическую систему и внешнюю политику. Большевистская революция от октября 1917 года отражала кризис европейской идентичности и неспособность российского руководства выбирать между двумя Европами. Царь не смог предостеречь страну от приближающихся разрушений, революции и гражданской войны. Правило Николая II было символическим в этом отношении. В 1904 году он уволил своего министра финансов графа Сергея Витте, сторонника новой Европы и экономического реформатора, и решил пожертвовать внутренними реформами на цели внешнеполитического экспансионизма, войдя в войну против Японии. К тому времени, войдя в Первую мировую войну, Николай еще больше</p>
---	--

The Bolsheviks' concept of Soviet power and proletarian democracy was also a response to egalitarian ideas of the French Revolution. Furthermore, Bolsheviks' foreign policy, after the early efforts to overthrow the "bourgeois" governments in Europe, was that of rapprochement and pragmatic cooperation with the West. As Europe reemerged as a consolidated liberal-democratic continent after World War II, the Soviet rulers sought to preserve a connection with the new West. The intercourse with the West grew stronger under Nikita Khrushchev and then Mikhail Gorbachev. Soviet leader Nikita Khrushchev's famous de-Stalinization speech at the XXth Communist Party congress broke many taboos of the old thinking and was meant, among other things, to bring Soviet Russia closer to Europe. Despite Khrushchev's removal, the impact of de-Stalinization proved to be irreversible—a considerable part of a new intellectual generation now referred to themselves as the "children of the XXth party congress" and worked within and outside the establishment to bring Soviet Russia closer to the West. The post-Stalin period saw, in particular, growth of specialized institutions in which researchers carefully analyzed Western viewpoints, such as those generated by American international relations (IR) scholars. Ultimately, the new Western influences contributed greatly to the discourse of human rights and democracy in the Soviet Union, creating the environment for reformers and helping Gorbachev come to power. Although he never meant for the socialist system to be replaced by that of Western liberalism, Gorbachev proclaimed a new era in relationships with the West and therefore greatly contributed to the new fundamental change. In addition to Khrushchev's policies of de-Stalinization and peaceful coexistence, Gorbachev drew from ideas of Russian liberal-minded scientists, such as Vladimir Vernadski, Pyotr Kapitsa, and Andrei Sakharov—

приблизил европейский кризис к себе домой и сделал невозможным предотвращение распространения в России экстремистских марксистских идей, что привело к его падению в большевистской революции 1917 года. Однако в знак признания мировой роли Запада даже большевики стремились привлечь западные народы и относились к их технологической и материальной власти.

Концепция большевиков о Советской власти и пролетарской демократии была также ответом на эгалитарные идеи Французской революции. Более того, внешняя политика большевиков после первых попыток свержения «буржуазных» правительств в Европе заключалась в сближении и прагматическом сотрудничестве с Западом. Поскольку Европа после Второй мировой войны вновь стала консолидированным либерально-демократическим континентом, советские правители стремились сохранить связь с новым Западом. Взаимодействие с Западом усилилось под Никитой Хрущевым, а затем Михаилом Горбачевым. Знаменитая десталинизационная речь советского лидера Никиты Хрущева на XX съезде Коммунистической партии сломала множество табу старого мышления и имела в виду, среди прочего, приблизить Советскую Россию к Европе. Несмотря на устранение Хрущева, влияние десталинизации оказалось необратимым - значительная часть нового интеллектуального поколения теперь называла себя «детьми XX съезда партии» и работала внутри и вне учреждения, чтобы приблизить Советскую Россию к Западу. В постсталинский период наблюдался, в частности, рост специализированных учреждений, в которых исследователи тщательно анализировали западные взгляды, например, те, которые были созданы учеными американских международных отношений (IR). В конечном счете, новые западные влияния внесли большой вклад в дискурс прав человека и демократии в Советском Союзе, создав среду для реформаторов и помогая Горбачеву прийти к власти. Хотя он никогда не хотел, чтобы социалистическая система была заменена на западный либерализм, Горбачев провозгласил новую эру в отношениях с Западом и, следовательно, внес большой вклад в новые фундаментальные изменения. В дополнение к политике Хрущева по

<p>all long-term advocates of developing relationships with the West.</p> <p>The leader of perestroika was also building on European socialdemocratic ideas, as well as American theories of transnationalism and interdependence. The Soviet collapse of 1991 completed the process of the country's difficult adjustment to the new international context and laid the groundwork for the establishment of Russia's liberal foreign policy orientation. The new liberal context continues to be highly contested in Russia and will be shaped further by the country's interaction with Western nations. If the West remains a relatively consolidated liberal entity with a clear and unambiguous message to the world, the new liberal identity has a good chance of taking stronger root in post-Soviet Russia.</p>	<p>десталинизации и мирному сосуществованию Горбачев использовал идеи российских либеральных ученых, таких как Владимир Вернадский, Петр Капица и Андрей Сахаров - все долгосрочные сторонники развития отношений с Западом.</p> <p>Лидер перестройки также основывался на европейских социал-демократических идеях, а также на американских теориях транснационализма и взаимозависимости. Советский крах 1991 года завершил процесс жесткой адаптации страны к новому международному контексту и заложил основу для создания либеральной внешнеполитической ориентации России. Новый либеральный контекст по-прежнему сильно оспаривается в России и будет определяться дальнейшим взаимодействием страны с западными странами. Если Запад остается относительно консолидированным либеральным образованием с ясным и однозначным посланием миру, новая либеральная идентичность имеет хорошие шансы усилить корень в постсоветской России.</p>
<p>Three Schools of Foreign Policy Thinking</p> <p>Although Russia's foreign policy was a response to various international contexts, it also displayed a remarkable degree of historical continuity. Across the eras of monarchy and liberalism, Russia's engagement with the world followed several persistent patterns of thinking and behavior. As a borderland nation in an uncertain, often volatile external environment, Russia had to continuously respond to similar challenges to its security. These challenges included unrest in neighboring territories, threats of external invasion, and difficulties in preserving internal state integrity. Over time, the country has developed three distinct traditions, or schools, of foreign policy thinking—Westernist, Statist, and Civilizationist. Throughout centuries, Westernizers, Statists, and Civilizationists sought to present Russia's international choices in ways consistent with the schools' historically established images of the country and the outside world. Westernizers placed the emphasis on Russia's similarity with the West and viewed the West as the most viable and progressive civilization in the world. The early Westernizers sought to present Russia as a loyal member in the family of European monarchies.</p>	<p>Три школы мышления внешней политики.</p> <p>Хотя внешняя политика России была ответом на различные международные контексты, она также показала значительную историческую преемственность. На протяжении многих эпох монархии и либерализма взаимодействовали, России с миром следовало нескольким настойчивым образцам мышления и поведения. Будучи пограничной нацией в неопределенной, часто нестабильной внешней среде, России приходилось постоянно реагировать на аналогичные вызовы ее безопасности. Эти проблемы включали беспорядки на соседних территориях, угрозы внешнего вторжения и трудности в сохранении внутренней государственной целостности. Со временем в стране сложились три различные традиции или школы: внешнеполитическое мышление - западное, статистическое и цивилизаторское. На протяжении веков западники, статистики и цивилизаторы стремились представить международный выбор России способами, согласованными с исторически сложившимися образами школы страны и внешнего мира. Западники обратили внимание на сходство России с Западом и рассматривали Запад как</p>

Historically the emergence of this school of thinking can be traced back to Peter the Great's military Westernization. Peter was the first to admire the West for its technological superiority and to raise the possibility of borrowing Western technology to overcome Russia's backwardness. Alexander I was more consistent in defending the values of the old Europe and vigorously opposing the spread of French egalitarian ideas. After the defeat of Napoleon, Alexander championed the so-called legitimist policies and established the Holy Alliance with Germany and Austria in order to suppress revolutionary activities on the Continent. Liberal Westernizers identified with the Western values of constitutional freedoms and political equality. After the era of great reforms and Russia shifting its relations from Germany to France and Britain under Alexander II, the czarist government seemed more willing to embrace the new European values of constitutionalism. Pavel Milyukov, once a foreign minister and a leader of Russian liberals, took the most active proEuropean position by insisting that Russia must stay in World War I as an active member of the anti-German coalition. To Milyukov, support for the European allies—despite all the devastation that the war had brought to Russia—was a matter of principle and the country's identity orientation. Westernizers within the Soviet system saw Russia as standing not too far apart from European social democratic ideas. For instance, one of Gorbachev's favorite lines of thinking was that the Soviet Union had to "purify" itself of Stalinist "distortions" and become a democratic, or "human," version of socialism (gumannyi sotsializm). In his foreign policy, Gorbachev pursued the notion of mutual security with the West and presided over a series of revolutionary arms-control agreements with the United States, as well as over the Soviet military withdrawals from Europe and the third world.

наиболее жизнеспособную и прогрессивную цивилизацию в мире. Ранние западники стремились представить Россию в качестве лояльного члена в семье европейских монархий.

Исторически возникновение этой школы мышления можно проследить до военной вестернизации Петра Великого. Питер первым полюбовался Западом своим технологическим превосходством и поднял возможность заимствовать западные технологии для преодоления отсталости России. Александр I более последовательно защищал ценности старой Европы и энергично выступал против распространения эгалитарных идей Франции. После поражения Наполеона Александр отстаивал так называемую легитимистскую политику и учредил Священный союз с Германией и Австрией, чтобы подавить революционную деятельность на континенте. Либеральные западники определили с западными ценностями конституционных свобод и политического равенства. После эпохи великих реформ и перестановки Россией отношений с Германией во Францию и Великобританию при Александре II царское правительство, похоже, больше желало принять новые европейские ценности конституционализма. Павел Миллюков, будучи министром иностранных дел и лидером российских либералов, занял самую активную проевропейскую позицию, настаивая на том, что Россия должна оставаться в Первой мировой войне как активный член антигерманской коалиции. Миллюкову, получил поддержку от европейских союзников - несмотря на все опустошения, которые война принесла в Россию, - это вопрос принципа и ориентация на идентичность страны. Западники в советской системе видели, что Россия стояла не слишком далеко от европейских социал-демократических идей. Например, одним из любимых способов мышления Горбачева было то, что Советскому Союзу пришлось «очистить» себя от сталинистских «искажений» и стать демократической или «человеческой» версией социализма (гуманный социализм). В своей внешней политике Горбачев преследовал понятие «взаимной безопасности» с Западом и руководил рядом революционных соглашений о контроле над вооружениями с Соединенными Штатами, а

By introducing the idea of a “common European home,” Gorbachev meant to achieve Russian-European integration based on the principles of European social democracy. Finally, the liberal Westernizers in post-Soviet Russia argued for the “natural” affinity of their country with the West based on such shared values as democracy, human rights, and a free market. Liberal Westernizers warned against relations with former Soviet allies and insisted that only by building Western liberal institutions and joining the coalition of what was frequently referred to as the community of “Western civilized nations” would Russia be able to respond to its threats and overcome its economic and political backwardness. Andrei Kozyrev and Boris Yeltsin’s vision of “integration” and “strategic partnership with the West” assumed that Russia would develop liberal democratic institutions and build a market economy after the manner of the West. Throughout 2009–2012, President Dmitri Medvedev advocated a new era of improving relations with the Western nations based on a common assessment of security threats and greater openness in economic and political systems. He initiated a new pan-European security treaty and argued for liberalizing the economic and political system in order to overcome Russia’s backwardness, corruption, and rigidity. Statists have emphasized the state’s ability to govern and preserve the social and political order. This is, arguably, the most influential school of Russia’s foreign policy thinking. It is explicit in choosing values of power, stability, and sovereignty over those of freedom and democracy. Critical to Statism is the notion of external threats to Russia’s security. Ever since the two-centuries-long conquest by the Mongols, Russians have developed a psychological complex of insecurity and a readiness to sacrifice everything for independence and sovereignty. Multiple wars in Europe and Asia further reinforced this mentality and provided Statism’s supporters with extra justifications for their reasoning.

также о выводе советских войск из Европы и третьего мира.

Представляя идею «общего европейского дома», Горбачев имел целью достичь российско-европейской интеграции, основанной на принципах европейской социал-демократии. Наконец, либеральные западники в постсоветской России спорили о «естественной» близости своей страны с Западом на основе таких общих ценностей, как демократия, права человека и свободный рынок. Либеральные западники предупреждали против отношений с бывшими советскими союзниками и настаивали на том, что только путем создания западных либеральных институтов и вступления в коалицию того, что часто называют сообществом «западных цивилизованных стран», Россия сможет реагировать на свои угрозы и преодолевать свои экономические и политическая отсталость. Представление Андрея Козырева и Бориса Ельцина о «интеграции» и «стратегическом партнерстве с Западом» предполагало, что Россия будет развивать либерально-демократические институты и строить рыночную экономику по подобию Западной. На протяжении 2009-2012 годов президент Дмитрий Медведев выступал за новую эру улучшения отношений с западными странами на основе общей оценки угроз безопасности и большей открытости в экономических и политических системах. Он инициировал новый общеевропейский договор о безопасности и выступил за либерализацию экономической и политической системы, чтобы преодолеть отсталость, коррупцию и жесткость России. Статистики подчеркнули способность государства управлять и сохранять общественно-политический порядок. Это, возможно, самая влиятельная школа внешнеполитического мышления России. Он явственен важным фактором при выборе ценностей власти, стабильности и суверенитета над свободами и демократией. Критикой для статистики является понятие внешних угроз безопасности России. С момента завоевания монголами двухвекового века русские разработали психологический комплекс неуверенности и готовности жертвовать всем ради независимости и суверенитета. Многочисленные войны в Европе и Азии еще больше укрепили этот

For instance, when justifying the need for rapid industrialization, the leader of the Soviet state, Josef Stalin, famously framed his argument in terms of responding to powerful external threats. The history of the old Russia was the continual beating she suffered because of her backwardness. She was beaten by the Mongol khans. She was beaten by the Turkish beys. She was beaten by the Swedish feudal lords. She was beaten by the Polish and Lithuanian gentry. She was beaten by the English and French capitalists. She was beaten by the Japanese barons. All beat her—for her backwardness. . . . We are fifty or a hundred years behind the advanced countries. We must make good this distance in ten years. Either we do it, or we shall be crushed. The Statists, however, are not inherently anti-Western; they merely seek the West's recognition by putting emphasis on economic and military capabilities. The Statists of the monarchical era valued Russia's autocratic structure of power, partly because such were the structures of European monarchies as well. In foreign policy, Statists often trace their intellectual and policy origins to Prince Alexander Gorchakov. Gorchakov labored as Alexander II's foreign minister to recover Russia's lost international positions after the defeat in the Crimean War. He pursued the policy of "concentration" by developing a system of flexible alliances and limiting Russia's involvement in European affairs. Other Statists trace their roots to Peter the Great. Unlike Westernizers emphasizing Peter's Europeanness, Statists relate to Peter's military competitiveness. It was state security and military competitiveness, they argue, that brought about the czar's notion of getting closer to Europe. The socialist Statists insisted on the importance of the Communist Party's firm control over the society for the purpose of maintaining political order and averting external "capitalist" threats. Within the Soviet leadership, this school was always suspicious of efforts to activate political institutions outside the party and opposed Gorbachev's democratization reform.

менталитет и предоставили сторонникам статизма дополнительные обоснования для их рассуждений. Например, обосновывая необходимость быстрой индустриализации, лидер Советского государства Иосиф Сталин лихо зарекомендовал свой аргумент в плане реагирования на мощные внешние угрозы. История старой России - это постоянное избиение, которое она испытала из-за ее отсталости. Она была избита монгольскими ханами. Она была избита турецкими бобами. Шведские феодалы были избиты. Она была избита польской и литовской шляхтой. Ее избили английские и французские капиталисты. Японские бароны были избиты. Все избили ее - за ее отсталость.... Мы за пятьдесят или сто лет отстали от развитых стран. Мы должны сделать это за десять лет. Либо мы это сделаем, либо будем раздавлены. Однако статистические данные не являются по своей сути антизападными; они просто добиваются признания Запада, делая упор на экономические и военные возможности. Статистики монархической эпохи оценивали автократическую структуру власти России, отчасти потому, что таковы были и структуры европейских монархий. Во внешней политике Статистики часто прослеживают свое интеллектуальное и политическое происхождение князя Александра Горчакова. Горчаков работал как министр иностранных дел Александра II, чтобы вернуть утраченные международные позиции России после поражения в Крымской войне. Он проводил политику «концентрации», развивая систему гибких союзов и ограничивая участие России в европейских делах. Другие историки прослеживают свои корни у Петра Великого. В отличие от западников, подчеркивающих европейскую чистоту Петра, статистические данные касаются военной конкурентоспособности Питера. По их мнению, это была государственная безопасность и военная конкурентоспособность, что привело к тому, что царское понятие приблизилось к Европе. Социалистические статистики настаивали на важности твердого контроля компартии над обществом с целью поддержания политического порядка и предотвращения внешних «капиталистических» угроз. В советском руководстве эта школа всегда с

In foreign policy, some Statists advocated relative accommodation with the West, while others favored balancing strategies. Maksim Litvinov, for instance, supported a “collective security” system in Europe in order to prevent the rise of fascism. Nikita Khrushchev, too, wanted to break taboos of isolationism and bring Soviet Russia closer to Europe. He also called for a return to Lenin’s principles of “coexistence” with the capitalist world, although he later slipped into several incidents of confrontation with the West. Both Litvinov and Khrushchev saw themselves as supporters of the late Lenin’s course toward giving up the idea of the world revolution and learning to live and trade with the potentially dangerous capitalist world.

подозрением относилась к усилиям по активизации политических институтов за пределами партии и выступала против реформы демократизации Горбачева.

Во внешней политике некоторые Статистики выступали за относительное размещение с Западом, в то время как другие выступали за балансирующие стратегии. Например, Максим Литвинов поддержал систему «коллективной безопасности» в Европе, чтобы предотвратить рост фашизма. Никита Хрущев тоже хотел разбить табу изоляционизма и приблизил Советскую Россию к Европе. Он также призвал к возвращению к принципам Ленина «сосуществования» с капиталистическим миром, хотя позже он перешел в несколько случаев конфронтации с Западом. И Литвинов, и Хрущев считали себя сторонниками позднего ленинского курса отказаться от идеи мировой революции и научиться жить и торговать с потенциально опасным капиталистическим миром.

